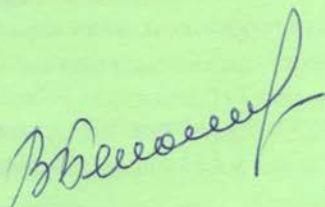

Абм
БЧЗ

На правах рукописи

Белоносов Владимир Олегович

**ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ПРАВА В СИСТЕМЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика и судебная
экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Саратов – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права»

Научный консультант – доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович

Официальные оппоненты – Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Шейфер Семён Абрамович

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Шадрин Виктор Сергеевич

Національна юридична академія
України імені Ярослава Мудрого

Бібліотека

Інв. №

13178 А

доктор юридических наук, профессор

Кудрявцева Анна Васильевна

Ведущая организация – **Томский государственный университет**

Защита состоится 23 сентября 2009 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.01 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан 20 мая 2009 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.Д. Холоденко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы работы. Вопросы состояния законодательства и правильного его применения всегда занимали умы учёных и практиков. Эти вопросы были и остаются в центре внимания современного российского государства, которое регулярно предпринимает шаги по усовершенствованию своей правовой политики.

Одной из важнейших составных частей государственной правовой политики является совершенствование норм уголовно-процессуального права, регулирующих деятельность по возбуждению уголовных дел, их расследованию и судебному разбирательству, которая в весьма значительной мере затрагивает интересы всех граждан. Не случайно ст. 6 УПК РФ устанавливает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод.

Нормативный характер российской системы права (в отличие от англосаксонской) заставляет идти по пути чёткого формулирования предписаний уголовно-процессуального законодательства, что создаёт условия к уяснению его содержания и правильному правоприменению. Однако в таком уголовном процессе, главной чертой которого является состязательность, это непростая задача. Трудность заключается также в том, что уголовно-процессуальные предписания облечены в словесную форму, где каждый составной её элемент может иметь не один, а два или более смыслов. Такое положение объясняется относительной самостоятельностью языка в производстве смысла, что придаёт многим юридическим конструкциям качество нестабильности. Кроме того, употребление многозначных слов и терминов передаёт суть нормативного предписания с различной степенью определённости.

Принятый в 2001 году УПК РФ сыграл положительную роль в регламентации уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем в нём имеются разнообразные недостатки законодательной техники – некорректность обозначения уголовно-процессуальных действий, субъектов уголовно-процессуальных отношений, неразделение или слияние понятий и категорий, непоследовательность лексико-грамматического построения норм, дисбаланс в отражении свойств абстрактности и конкретности в условиях многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений. Указанные факторы в сочетании с системным характером норм уголовно-процессуального права, специ-

фичностью юридического языка, требующего проведения дополнительной работы по уяснению заложенного в уголовно-процессуальных нормах смысла, обуславливают повышение роли толкования уголовно-процессуальных норм в современных условиях и составляют суть диссертационного исследования.

До последнего времени теоретико-познавательная сущность толкования характеризовалась материалистическим подходом, достаточно хорошо разработанным и освещённым в литературе советского периода. Такой подход при его многих положительных чертах всё же страдает односторонностью и поэтому обедняет природу сложного процесса толкования уголовно-процессуальных норм. Для устранения этого недостатка требуются новые подходы, которые нашли своё применение пока лишь в философии, но не в правоведении (и тем более не в уголовно-процессуальном праве). Речь идёт об использовании новых учений современной философии – герменевтики (Х.Гадамер, П.Рикёр, М.Хайдеггер и др.) и деконструкции (Деррида Ж.), – которые отвергались в советский период как субъективно-идеалистические. Данные учения способны существенно обогатить процесс толкования правовых норм, сделать его более совершенным.

По общему правилу в юриспруденции правильность текста уголовно-процессуального законодательства презюмируется, однако проведённый анализ позволяет утверждать, что это не в полной мере соответствует действительности. Нормы уголовно-процессуального права далеки от совершенства, имеют многочисленные дефекты в виде противоречий, пробелов, неточностей смыслового выражения и т.д., которые затрудняют понимание нормативных предписаний и их применение. А каждая седьмая статья УПК РФ требует ограничительного или распространительного толкования.

Особенностью УПК РФ является увеличение почти в 2 раза по сравнению с УПК РСФСР числа отсылочных норм. Это позволяет предположить, что его содержание стало более взаимосвязанным. Однако данное предположение не совсем верно. Система отсылок охватывает не только громоздкие, но и компактные статьи УПК РФ (76, 85, 93, 137, 251, 269, 270, 317, 320, 322, 368, 401), и носит не конкретизирующий, а обобщающий характер. Во многих случаях отсылки совсем не облегчают пользование законодательством. Соглашаясь с тем, что полностью обойтись без отсылочных статей не представляется возможным ввиду многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений, мы всё же считаем, что доводить число отсылочных статей почти до 60 % от общего числа норм вряд ли правомерно. Первичный регулятор общественных отношений в сфере судопроизводства, каким является УПК РФ, не должен содержать чрезмерно много отсылочных статей и бланкетных норм.

Одним из существенных и достаточно часто встречающихся недостатков уголовно-процессуального законодательства является его логическая противоречивость и внутренняя несогласованность, проявляющаяся в самых разнообразных формах. Представляется необходимым преодоление данных недостатков посредством использования различных видов, приёмов и методов толкования, а также формулирование предложений по усовершенствованию законодательства.

Толкование уголовно-процессуальных норм как в правоприменении, так и в доктрине может содействовать совершенствованию законодательства. Это достигается через выявление дефектов уголовно-процессуальных норм и формулирование предложений по их преодолению. Такое значение толкования, как правильного уяснения и разъяснения норм уголовно-процессуального права, подтверждается тем, что анализ недостатков уголовно-процессуальных норм и формулирование предложений по их устранению имеет место практически во всех научных трудах (статьях, монографиях, диссертациях) и мероприятиях научно-практической направленности (мониторингах, научных конференциях и т.д.), что способствует совершенствованию законотворческого процесса. Вышесказанное обуславливает необходимость всестороннего и системного исследования проблемы толкования норм уголовно-процессуального права как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Теоретическая разработанность проблемы. Вопросам толкования правовых норм в российском правоведении всегда уделялось большое внимание. Достойный вклад в разработку этой проблемы внесли учёные-правоведы дореволюционной России: Е.В. Васьковский, А.В. Завадский, П.И. Люблинский, Л.А. Петражицкий, М.А. Унковский, И.Я. Фойницкий, Г.Ф. Шершеневич и другие.

В советский и современный периоды о толковании писали С.С. Алексеев, Е.А. Березина, А.Т. Боннер, Я.М. Брайнин, А.Б. Венгеров, С.И. Вильнянский, Л.Д. Воеводин, Н.Н. Вопленко, П.С. Дагель, В.Н. Карташов, В.В. Лазарев, И.П. Малинова, П.Е. Недбайло, И.С. Перетерский, А.С. Пиголкин, К.А. Половченко, Р.С. Рез, Л.В. Соцура, Б.А. Спасов, И.Е. Фарбер, Т.Я. Хабриева (Насырова), В.Н. Хропанюк, А.Ф. Черданцев, А.С. Шляпочников, А.М. Эрделевский и другие.

Специально вопросами толкования норм уголовно-процессуального права занималась П.С.Элькинд, однако с момента выхода её монографии «Толкование и применение норм уголовно-процессуального права» прошло более 40 лет, за это время существенно изменились юридические обстоятельства, связанные с особенностями толкования правовых норм в современных условиях. Претер-

пело изменение официальное толкование, появился Конституционный суд РФ, внёсший существенный вклад в процесс толкования уголовно-процессуальных норм. Все эти новые обстоятельства требуют своего осмысления.

В той или иной мере вопросов толкования норм уголовно-процессуального права касались В.А. Азаров, А.С. Александров, О.Я. Баев, А.М. Баранов, В.П. Божьев, А.Д. Бойков, В.М. Быков, Л.М. Васильев, С.Е. Вицин, Н.Л. Гранат, К.Ф. Гуценко, В.С. Джатиев, Т.Н. Добровольская, Е.А. Доля, П.С. Ефимичев, В.И. Зажицкий, З.З. Зинатуллин, В.И. Каминская, З.Ф. Коврига, П.А. Колмаков, Н.А. Колоколов, В.М. Корнуков, Э.Ф. Куцова, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, Ю.А. Ляхов, Т.Г. Морщакова, И.Д. Перлов, И.Л. Петрухин, Г.А. Печников, М.П. Поляков, В.И. Рохлин, В.М. Савицкий, М.С. Строгович, В.Т. Томин, И.В. Тыричев, Г.П. Химичева, В.С. Шадрин, С.А. Шейфер и другие учёные. Но рассмотрение вопросов толкования уголовно-процессуальных норм в трудах названных авторов носило не самостоятельный, а прикладной характер применительно к рассматриваемым ими проблемам. Более того, подавляющее большинство указанных авторов анализировали нормы УПК РСФСР, которые в настоящее время не действуют.

Целью диссертационной работы является исследование современных представлений о законотворческих и законоприменительных процессах, касающихся восприятия, понимания и воссоздания нормативных установлений процессуального характера и создание на этой основе целостного, комплексного учения, отражающего современное состояние концепции толкования правовых норм в сфере уголовного судопроизводства, его структурных элементов и сущностных признаков, его месте в системе уголовно-процессуальной деятельности и его роли как фактора, повышающего эффективность функционирования всего судопроизводства в целом.

Указанная цель предопределила решение следующих конкретных задач теоретического и прикладного порядка.

1. На основе изучения трудов учёных-правоведов, практики законотворчества и правоприменения раскрыть сущность и значение толкования правовых норм в российском правоведении, вычленить его структурообразующие элементы, дать авторское определение этого явления.

2. Обосновать и развить тезис о том, что толкование уголовно-процессуальных норм является обязательным элементом правоприменения, показать его особенности на современном этапе.

3. В рамках исследования теоретико-познавательной сущности толкования процессуально-правовых норм применить новый методологический подход, основанный на взаимодействии материалистической точки зрения и новых фи-

лософских учений – герменевтики и деконструкции – с позиции не противоречия, а взаимного обогащения, что может положительно сказаться на процессе и результатах толкования.

4. Систематизировать причины объективного и субъективного характера, обуславливающие необходимость и обязательность толкования уголовно-процессуальных норм.

5. Показать особенности приёмов, видов и методов толкования уголовно-процессуальных норм, рассмотреть связанные с этим проблемы правоприменения и определить пути их решения.

6. Дать авторскую классификацию субъектов толкования уголовно-процессуальных норм в зависимости от выполняемой ими роли в процессе толкования.

7. Проанализировать критерии толкования уголовно-процессуальных норм по объёму.

8. Показать возможности толкования уголовно-процессуальных норм в целях выявления и восполнения пробелов уголовно-процессуального законодательства, а также выявления и преодоления имеющихся в нём противоречий.

9. Сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм.

Объектом исследования являются урегулированные и не урегулированные нормами права общественные отношения в сфере законотворческой, правоприменительной, а также научно-педагогической деятельности, сопровождающиеся толкованием уголовно-процессуальных норм, уяснением и разъяснением их сути.

Предмет исследования – это, во-первых, теоретические источники, отражающие сущность толкования уголовно-процессуальных норм, конкретизирующие процесс и результат толкования, принципы и содержание этой деятельности.

Другой важный элемент предмета исследования – это законодательные и иные правовые акты, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения, которые вызывают трудности в правоприменении, создают неясности и противоречия, порождающие необходимость толкования.

Методика и методология исследования. В ходе исследования использованы общенаучные положения диалектики о соотношении общего, частного и особенного. Применены такие методы познания, как: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический, социологический методы.

В качестве методологической основы исследования использовалось философское учение о понятиях и категориях, сущности и содержании, о выражении качества явлений через соотношение содержания и формы. Проведённое исследование обеспечивалось, во-первых, исходя из требований общенаучного метода диалектического познания, который признаёт обусловленность и взаимосвязь социальных и правовых явлений, требует рассматривать последние в качестве сложных и комплексных систем, имеющих как статические, так и динамические свойства. Кроме того, использовались новые учения современной отечественной философии, а также частные методы познания.

Показано, что способом познания правильного содержания уголовно-процессуальных норм выступает совокупность традиционного (представленного материалистической диалектикой) и нового для отечественной юриспруденции (представленного современными философскими течениями) подходов. Данные подходы следует рассматривать не с позиции их противоречия друг другу, а с позиции взаимного дополнения.

Законодательную базу образуют Конституция Российской Федерации, действующее процессуальное законодательство: Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы России, а также Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные конституционные законы: «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном суде Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие. В работе проанализированы и учтены соответствующие акты Конституционного суда РФ, разъяснения пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и России, международно-правовые акты.

Научная новизна диссертации определяется прежде всего выявлением проблемы, имеющей важное значение для уголовного судопроизводства, использованием новых методологических подходов к её решению, учитывающих современные условия, получением новых результатов. С момента выполнения основной специальной работы по данной теме (П.С.Элькин) прошло более 40 лет и российский уголовный процесс, как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения практического осуществления претерпел существенные изменения.

Исследование этих изменений и процессов, их сопровождающих, позволило автору создать и обосновать собственную концепцию толкования права применительно к сфере уголовного судопроизводства, отражающую современное состояние научной мысли и практические потребности правоприменения.

Толкование рассматривается как относительно самостоятельное явление в системе теоретической и практической деятельности уголовно-процессуальной направленности, суть которого выражается в восприятии, уяснении и разъяснении соответствующих правовых предписаний не только для обеспечения их правильного применения, преодоления и сглаживания дефектов действующего законодательства, но и для формирования новых, более совершенных законов и других нормативно-правовых актов.

При разработке указанной концепции впервые применён подход, основанный на взаимосвязи и сочетании материалистического и новых философских учений, что существенно обогащает теорию толкования.

В работе также впервые подвергнут комплексному исследованию УПК РФ с позиций современного состояния теории толкования. Проанализированы решения Конституционного суда РФ под углом зрения использованных приёмов и видов толкования. Получило дальнейшее развитие понимание толкования как обязательного элемента правоприменения в уголовном судопроизводстве. Результаты исследования позволили предложить новые подходы к определению природы толкования, проанализировать основные недостатки уголовно-процессуального законодательства, сформулировать предложения по его усовершенствованию.

В соответствии с результатами проведённого исследования на защиту выносятся следующие **основные положения**, отражающие содержание авторской концепции толкования уголовно-процессуальных норм.

1. Толкование является интегрированным компонентом не только правоприменительной, но и законотворческой, теоретико-исследовательской и иной правовой деятельности, связанной с необходимостью уяснения сущности законодательных требований и необходимостью их правильной реализации.

Толкование: а) является базисной составляющей, на основе которой начинается, развивается и завершается правоприменительный процесс; б) не ограничивается только рамками правоприменения, а предшествует ему и сопровождает соответствующую деятельность после её окончания (вступление итогового решения в законную силу, обращение его к исполнению и т.д.); в) имеет как прямое, так и опосредованное отношение к правоприменительному процессу и имеет следующие сущностные характеристики.

2. Толкование правовых норм – это внутренний мыслительный процесс уяснения соответствующими субъектами содержания норм права, а также возможная деятельность этих субъектов в виде дачи рекомендаций и советов, имеющих различную степень обязательности, с целью обеспечения правильно-

го и единообразного применения правовых норм, устранения или сглаживания их недостатков.

3. Процесс толкования содержит в себе элементы творчества и порождает новое знание. Но новизна полученного знания относительна, в нём не должно быть ничего, что не было предусмотрено в абстрактной формулировке нормативного предписания. Новизна состоит в том, что при толковании достигается более конкретизированное и детализированное знание о содержании общей и абстрактной нормы, происходит её приближение к конкретным условиям правоприменения.

4. Для правильного уяснения смысла толкуемых норм наряду с материалистическим подходом должны быть использованы приёмы современных философских концепций, представленных герменевтикой и деконструкцией, имеющие прямое отношение к толкованию и удачно дополняющие друг друга.

Данный подход позволяет углубить сформулированные в теории языка представления о многозначности слов, показать, что множественность смыслов правовых норм, выявленная при их толковании, является закономерным явлением, широко распространённым на практике. Она (множественность смыслов) выполняет аллегорическую функцию языка, отражает субъективные качества интерпретатора и наглядно проявляется в состязательном процессе.

Эта множественность может ограничиваться и даже устраняться двумя противоположными действиями: а) пониманием смысла целого и, исходя из него, интерпретаций отдельных частей (анализ – от целого к частям); б) корректировкой общего смысла, исходя из анализа отдельных частей (синтез – от части к целому).

5. Вопреки мнению некоторых учёных (М.П.Поляков, В.Т.Томин) показано, что понятия «толкование» и «интерпретация» правовых норм тождественны, синонимичны и нет достаточных оснований для их разграничения по смыслу. Придание термину «интерпретация» более широкого смысла по сравнению с «толкованием» неоправданно, так как понятию «толкование» также присущи такие качества, приписываемые «интерпретации», как уяснение, разъяснение и результат этой деятельности.

6. Толкование норм уголовно-процессуального права не может быть полностью объективным и нейтральным. С точки зрения субъективного воздействия право не существует в отрыве от идеологического ценностного выбора толкователем того или иного смысла и тех субъектов, кому адресуется разъяснение нормативных предписаний. Поэтому: а) не может быть нейтрального способа исследования социальных явлений, а тем более их объяснения; б) толкование норм права (как и рациональное мышление в целом) не может претендовать на

постижение бесспорной истины, ибо содержание норм социально ситуативно и контекстуально.

7. Нормативно-правовые акты обладают принципиальным качеством не-совершенства. В них передаётся лишь часть того, что законодатель имел в виду и хотел нормативно закрепить. Смысл уголовно-процессуальной нормы не всегда лежит на поверхности и зачастую не раскрывается при первом прочтении. Он достигается путём сравнения, сопоставления, анализа, синтеза и применения других методов и приёмов толкования. Наибольшее значение при этом имеет анализ не столько структурных, сколько функциональных связей уголовно-процессуальных норм:

- связь толкуемой нормы и нормы, раскрывающей смысл используемых в уголовном процессе терминов;
- связи отсылочных норм;
- связи общих и специальных норм;
- связи уголовно-процессуальных норм, регулирующих однородные или сходные отношения;
- связи уголовно-процессуальных норм с принципами права;
- связи уголовно-процессуальных норм с актами, изданными со специальной целью дополнить, изменить или уточнить содержащуюся в ней норму.

В речевых знаках (понятиях, терминах, выражениях, предложениях и т.д.) всегда имеются расхождения между означающим и означенным, что может и должно быть устранено в процессе толкования.

Необходимость и обязательность толкования обусловлены объективными и субъективными факторами, которые не могут быть полностью устранены, но могут контролироваться и находиться на приемлемо допустимом уровне.

8. Толкование норм права – это не столько безусловный способ преодоления дефектов законодательства, сколько способ их сглаживания. Толкование помогает глубже понять теоретические положения, закономерности, принципы права, которые в необходимых случаях можно распространить в той или иной мере на проблемные места законодательства с целью их преодоления.

Сглаживание дефектов законодательства проявляется в том, что до момента официального истолкования уголовно-процессуальных норм Конституционным судом РФ или Верховным судом РФ объективных критериев правильности толкования не существует. В этой ситуации можно вести речь о предположении (презумпции) правильности толкования, данного отдельным правоприменителем, если с его толкованием согласились вышестоящие (контролирующие) субъекты (руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, прокурор, судья и т.д.).

9. Толкование, основанное на убедительности аргументации и неопровержимости выводов, исходящее, как правило, от высших судебных инстанций, способно создавать акты преюдициального значения, напоминающие прецеденты толкования. Хотя такие положения формально обязательны только для конкретного случая, однако в силу иерархичности судебных и правоприменительных органов нижестоящие инстанции обычно стремятся следовать практике вышестоящих инстанций, брать её в качестве примера, образца понимания и применения закона. Эта выработанная практикой закономерность представляется обоснованной применительно и к толкованию не вполне определённо сформулированных норм. Если основной задачей толкования уголовно-процессуальных норм нижестоящими субъектами является преимущественно правильное уяснение смысла законодательных требований для практического применения в конкретном случае, то толкование вышестоящими субъектами и инстанциями дополняется также задачей содействия правоприменительной практике в однозначности понимания и применения уголовно-процессуальных норм.

10. Уголовно-процессуальные акты и нормы, содержащиеся в них, отличаются существенными особенностями, затрудняющими их адекватное восприятие и обуславливающими необходимость толкования. В частности, УПК РФ содержит большое количество исключений (что вызвано сложностью регулирования уголовно-процессуальных отношений, их многогранностью и многоаспектностью) и чрезмерно много отсылочных норм и статей.

11. В зависимости от выполняемой роли в процессе толкования его субъекты могут быть классифицированы следующим образом.

I. Субъекты правоприменительной деятельности:

а) профессиональные интерпретаторы – следователи, дознаватели, прокуроры, судьи. Эту многочисленную и неоднородную группу объединяет стремление к полноте, всесторонности, объективности толкования уголовно-процессуальных норм;

б) адвокаты (в качестве защитников, представителей), которые хотя и относятся к профессиональным интерпретаторам, однако не преследуют цель достижения полного, всестороннего, объективного толкования уголовно-процессуальных норм, так как их деятельность носит односторонний характер;

в) непрофессиональные интерпретаторы – иные участники уголовного судопроизводства (в том числе защитники-иные лица, представители-иные лица). Их роль в толковании уголовно-процессуальных норм крайне незначительна. Даже обладая юридическими познаниями, они не оказывают существенного

влияния на толкование уголовно-процессуальных норм, обеспечивающее их применение.

II. Субъекты правоинтерпретационной деятельности (доктринального толкования) – научные, научно-педагогические, педагогические работники. Несмотря на то, что данные лица играют важную роль в толковании уголовно-процессуальных норм, их толкование имеет опосредованное отношение к правоприменительному процессу.

12. Относительная самостоятельность языка в производстве смысла проявляется в толковании норм по объёму. Проведённым исследованием установлено, что не менее 13 % всех уголовно-процессуальных норм требуют распространительного или ограничительного толкования, то есть отступления от правила буквального следования нормативному предписанию. Хотя этот показатель относительно небольшой, однако он должен побуждать субъектов при толковании уголовно-процессуальных норм не ограничиваться формальной определённостью предписания, а учитывать принципы права, системный характер норм, здравый смысл.

13. С учётом разработанной концепции и правовых позиций Конституционного суда РФ комплексному анализу под углом зрения выявления недостатков подвергнут действующий УПК РФ, сформулированы предложения по их устранению.

Одним из существенных пробелов УПК РФ является отсутствие в нём определения задач уголовного судопроизводства, поскольку это отрицательно отражается на расстановке приоритетов уголовно-процессуальной деятельности, дезориентирует практику правоприменения, вызывает справедливую критику в научной среде. Использование в ст. 6 УПК РФ понятия «назначение уголовного судопроизводства» нельзя рассматривать в качестве задач уголовного судопроизводства, так как назначение, по мнению автора, может быть только средством достижения тех задач, которые законом не определены. Поэтому наряду со ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» предлагается включить в УПК РФ отдельную статью (например, ст. 6¹ под названием «Задачи уголовного судопроизводства») следующего содержания:

«Задачами уголовного судопроизводства являются:

- обеспечение правильного и своевременного расследования и судебного разбирательства уголовных дел;
- защита прав и свобод человека и гражданина, общества и государства;
- обеспечение доступного и справедливого правосудия;
- укрепление законности, предупреждение преступлений, выявление причин и условий совершения преступных деяний, принятие мер к их устранению;

– формирование уважительного отношения к закону и суду».

14. Логическая операция по выявлению пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве в решающей степени зависит не столько от объективно-материалистических факторов, сколько от интеллектуальной сферы сознания личности, лежащей в основе философских учений герменевтики и деконструкции.

15. Установление пробелов права предполагает не только необходимость их устранения, что является конечной целью деятельности по совершенствованию законодательства, но и их преодоления, что обусловлено потребностью правоприменения. Эта деятельность предстаёт в виде промежуточной стадии по совершенствованию нормативных актов в рассматриваемом аспекте.

16. Как не отвечающее требованиям Конституции РФ и политики государства в области правового обеспечения жизни общества следует рассматривать длительное (до 5 лет) оставление без внимания Государственной Думы РФ 14 статей УПК РФ (по состоянию на 01.05.2009), которые в соответствии с решениями Конституционного суда РФ должны быть нормативно изменены либо отменены. Такое положение не может быть оправдано сложностью формулирования необходимых правовых предписаний, поскольку Конституционный суд РФ одновременно разъяснил и путь совершенствования соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства. Сложившаяся ситуация не согласуется с сущностью статутного права, к которому относится национальное законодательство. Характер статутного права требует точно сформулированного законодательства, в том числе и уголовно-процессуального.

17. Противоречия уголовно-процессуального законодательства при всём их негативе выступают источником развития и совершенствования этого законодательства, что проявляется во взаимодействии противоположных тенденций регулирования уголовно-процессуальных отношений, обусловленных стремлением к их развитию, основанному на противоположности законных интересов сторон и активной деятельности субъектов, стремящихся к равенству в рамках состязательности. Противоречия выражаются в некорректном обозначении уголовно-процессуальных действий, субъектов уголовно-процессуальных отношений, в неразделении или смешении отдельных понятий и категорий, в неточном лексико-грамматическом построении норм и других нарушениях правил законодательной техники.

18. Наличие уголовно-процессуальных противоречий зависит не только от законодателя, но и от объективных условий проявления законных интересов субъектов, выраженных в процессуальных действиях. Не все противоречия могут быть устранены без ущерба потерять правильный смысл уголовно-

процессуального предписания. По этой причине не все противоречия УПК РФ можно устранить. В некоторых случаях это делать и не нужно, так как новые формулировки грозят приобрести ещё более отрицательный смысл. Но видеть эти противоречия и их правильно толковать – важная задача правоприменения.

19. Противоречия находятся с пробелами в прямой зависимости: любое противоречие в уголовно-процессуальном регулировании свидетельствует и об отсутствии корректной правовой регламентации. Поэтому один и тот же дефект уголовно-процессуального регулирования можно рассматривать одновременно и как противоречие, и как пробел. В то же время пробел уголовно-процессуального регулирования не свидетельствует о наличии какого-либо противоречия в правовой регламентации.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что сформулированные в ней теоретические положения и выводы направлены на эффективное понимание и совершенствование процесса толкования уголовно-процессуальных норм.

Научные выводы, сделанные в диссертационном исследовании, пополняют потенциал науки уголовного процесса и ориентируют на принятие норм, более правильно передающих смысл уголовно-процессуальных предписаний.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы:

- а) в правоприменительном процессе, ибо вопросы правильного применения уголовно-процессуальных норм имеют исключительно важное значение;
- б) в законотворческом процессе по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства;
- в) в научно-исследовательской работе для дальнейшей разработки вопросов, связанных с исследованием сущности уголовно-процессуальных отношений и их реализацией;
- г) в учебном процессе при изучении всех без исключения тем курса «Уголовный процесс».

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обусловлены выбором и использованием научной методологии исследования. С этой целью изучен широкий круг теоретических и нормативно-правовых источников, составляющих базу исследования применительно к нынешнему состоянию уголовного судопроизводства, его ретроспективам и возможностям реального совершенствования.

Теоретические положения и выводы согласуются с репрезентативными материалами эмпирического исследования, а также материалами анкетирования

прокуроров, следователей, дознавателей и судей по вопросам, связанным с толкованием отдельных уголовно-процессуальных норм.

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные, материалы обобщения судебной практики, постановления и определения Конституционного суда РФ, обзоры кассационной и надзорной практики Верховного суда РФ, постановления пленумов и президиумов Верховного суда РФ, а также уголовные дела из архивов судов Самарской и Саратовской областей за 2004-2008 гг. При изложении теоретических положений учитывались данные, полученные в результате изучения и обобщения 257 уголовных дел, рассмотренных судами первой, второй и надзорной инстанций по вопросам, связанным с интерпретационной деятельностью Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ. Кроме того при подготовке диссертационного исследования были использованы данные, полученные в ходе анкетирования за период с 2000 по 2006 гг. сотрудников судебных и правоохранительных органов Самарской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской, Пензенской, Нижегородской областей, в которых приняло участие 389 человек: дознавателей, следователей, прокурорских и судебных работников.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялась в различных формах. Отдельные положения и выводы доводились до сведения научной общественности и практических работников в выступлениях соискателя на научных конференциях: «Научные основы деятельности сотрудников органов внутренних дел» (Самара, 2000), «Негосударственное образование в России: результаты, проблемы, перспективы» (Уфа, 2000), «Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий» (Саратов, 2002), «Проблемы развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе» (Самара, 2002), «Проблемы применения норм уголовно-процессуального законодательства РФ в деятельности правоохранительных органов» (Челябинск, 2003), «Пути дальнейшего повышения эффективности и качества образовательного процесса в высшей школе» (Самара, 2004) и др.

Теоретические положения работы использовались при проведении семинаров с сотрудниками правоохранительных органов в городах Самара, Саратов, Волгоград, Астрахань, Пенза, Нижний Новгород в рамках проектов «Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации» (сентябрь 2000 – май 2003) и «Гуманизация российской пенитенциарной системы – укрепление системы исполнения наказаний, альтернативных тюремному заключению» (сентябрь 2003 – январь 2006), проводимых неправительственной организацией «Международная тюремная реформа (Penal Reform International)» совместно с Главным управлением Федеральной службы исполнения наказания России.

Результаты исследования получили отражение в изданных научных трудах: 2 монографиях, 4 учебно-методических пособиях, 49 научных статьях общим объемом более 76 печатных листов. В том числе 10 статей опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных перечнем ВАК для докторских диссертаций.

Выработанные в процессе диссертационного исследования предложения и рекомендации используются в учебном процессе при изучении уголовного процесса в Самарском государственном университете, Самарском юридическом институте ФСИН России, Самарском филиале Саратовского института МВД РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырёх глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключения, библиографического списка.

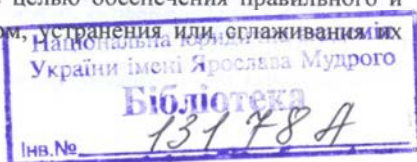
СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы исследования, степень её теоретической разработанности, цели, задачи, объект, предмет, методика и методология, законодательная база исследования, научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость работы, сведения об обоснованности и достоверности, эмпирической базе, апробации и внедрении результатов исследования.

Глава первая «Сущность и роль толкования норм права в уголовном судопроизводстве» состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе «Понятие и сущность толкования правовых норм в российском правоведении» рассматривается состояние теории толкования в истории и в современном отечественном правоведении, даётся авторское определение толкования и раскрываются его основные черты.

Толкование правовых норм – это внутренний мыслительный процесс уяснения соответствующими субъектами содержания норм права, а также возможная деятельность этих субъектов в виде дачи рекомендаций и советов, имеющих различную степень обязательности, с целью обеспечения правильного и единообразного применения правовых норм, устранения или сглаживания их недостатков.

Толкование является интегрированным компонентом не только правоприменительной, но и законотворческой, теоретико-исследовательской и иной правовой деятельности, связанной с необходимостью уяснения правовых норм и необходимостью их правильной реализации.

Сущность толкования заключается в том, что оно не занимает какого-либо строго фиксированного места в правоприменении, является базисной составляющей, на основе которой начинается, развивается и завершается правоприменительный процесс. Толкование не ограничивается рамками правоприменения, предшествует ему, а также сопровождает соответствующую деятельность после её окончания (вступления итогового решения в законную силу, обращения его к исполнению и т.д.). Толкование может иметь как прямое, так и опосредованное отношение к правоприменительному процессу.

Будучи частным случаем процесса познания, толкование не относится ни к науке, ни к искусству, хотя и предполагает использование элементов творчества. В ходе этого творчества происходит процесс конкретизации и детализации знания, закреплённого в законе в самом общем виде. При этом появляется новое знание, новизна которого, однако, относительна. В этой новизне не должно быть ничего того, что не было предусмотрено в общей формулировке.

Возможность толкования обусловлена принципиальной множественностью смыслов лексических единиц. Эта множественность выполняет аллегорическую функцию языка, отражает субъективные качества интерпретатора и наглядно проявляется в состязательном процессе. Множественность смыслов может ограничиваться и даже устраняться двумя противоположными действиями: а) пониманием смысла целого и, исходя из него, интерпретацией отдельных частей (анализ – от целого к частям); б) корректировкой общего смысла, исходя из анализа отдельных частей (синтез – от частей к целому).

Понятия «толкование» и «интерпретация» правовых норм тождественны, синонимичны и нет достаточных оснований для их разграничения по смыслу (как считают М.П.Поляков, В.Т.Томин). Наделение термина «интерпретация» более широким смыслом по сравнению с «толкованием» неоправданно, так как понятию «толкование» также присущи такие качества, приписываемые «интерпретации», как уяснение, разъяснение и результат этой деятельности.

Толкование преследует цели: а) обеспечения определённости правоприменительного процесса, правильного и единообразного понимания толкуемой нормы, устранения неясностей и возможных ошибок при её применении; б) преодоления или сглаживания дефектов законодательства. Последнее проявляется в том, что до момента официального истолкования уголовно-процессуальных норм Конституционным судом РФ или Верховным судом РФ

объективных критериев правильности толкования не существует. В этой ситуации можно вести речь о предположении (презумпции) правильности толкования, данного отдельным правоприменителем, если с его толкованием согласились вышестоящие (контролирующие) субъекты (руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, прокурор, судья и т.д.).

Во втором параграфе «Теоретико-познавательная сущность толкования процессуально-правовых норм» анализируется сущность толкования процессуально-правовых норм в основных философских учениях, в правовых школах, в методологии научного познания.

Показано, что в материалистическом учении нет специальной концепции, посвящённой толкованию правовых норм. В этом течении толкование не было философской проблемой, а рассматривалось лишь в рамках юриспруденции. Правоведы изучали процесс толкования правовых норм в рамках теории отражения, которой придавался универсальный характер, под которую подводилось и толкование правовых норм как частный случай. Такой подход имеет ряд положительных черт.

Вместе с тем материализм рассматривает субъекта в качестве возможного источника ошибок и заблуждений, а всё то, что привносится субъектом, презюмируется ошибочным. Нонсенсом является объективность толкования субъекта в рамках материализма. Теория отражения имеет в виду лишь объективное мышление, при котором истина предстаёт в единственном виде без каких-либо вариантов. А раз истина одна, то зачем её толковать?

Материализм недооценивает и роль языка в познании, исходя из положения о том, что язык является зеркальным отражением смысла. Такой подход упускает из вида, что язык обладает определённой самостоятельностью в производстве смысла. Порой в языковой форме может содержаться не тот смысл, который предполагался первоначально законодателем, или может появиться дополнительный смысл, или несколько смыслов.

В марксистской материалистической концепции объект познания фактически противопоставляется субъекту. Однако полное противопоставление возможно только в явлениях природы, социальное же познание предполагает включённость субъекта в процесс познания.

В то же время принципиально важным стало приобретение отечественной философией в постсоветский период качества плюралистичности. Материализм и идеализм, расходясь в основном вопросе философии о первичности материи или сознания, удачно дополняют друг друга, рассматривая явления окружающего мира с разных точек зрения. В каждом учении имеются свои сильные и слабые стороны, которые позволяют в единстве рассматривать явления окру-

жающего мира всесторонне и многогранно. Последовательная диалектика также не может отрицать идеализма.

Идеалистическая концепция толкования представлена герменевтикой и деконструкцией, которые имеют свои положительные стороны в подходах к этому явлению.

Герменевтика исходит из многозначности смыслов толкования, а потому допускает множественность истин. Толкование обедняет эту множественность и приводит многозначность смыслов к однозначности посредством двух логических операций: анализа и синтеза.

В юриспруденции герменевтическое толкование выступает в виде вопроса о применении закона к конкретному случаю. В философии эта проблема сформулирована более обобщенно: применение всеобщего правила к единичному явлению.

Второе течение – деконструкция – анализирует языковую сторону текста и утверждает, что реальная жизнь для нас оказывается лишь письмом и сравнивается с совокупностью артикуляций между заменами, подменами, восполнениями и компенсациями (что удивительно напоминает расследование уголовного дела, как события прошлого, при помощи уголовно-процессуальных условностей). Постигая эти связи, мы идём эмпирическим путём, пользуясь ограниченным материалом, не имея ничего очевидного, начинаем движение там, где случайно оказались, и идём наугад. Мы руководствуется чутьём, но это может оказаться надёжней трансцендентальной интуиции.

В целом деконструкция – это разработка концептуальных оппозиций, поиск моментов напряжённости между логикой и риторикой, между тем, что текст хочет сказать, и тем, что он вынужден означать. Остаётся учиться читать тексты между строк и по краям, то есть там, где, кажется ничего не написано, но на самом деле написано много.

Нельзя сказать, что отечественные учёные не замечали языковую природу права, однако радикальных выводов, объясняющих суть права, судебного доказывания, судебной истины с лингвистических позиций не делалось. Для этого надо было войти в противоречие с идеологическими установками, в частности, критически переосмыслить теорию познания (теорию отражения) диалектического материализма, не абсолютизировать концепцию объективной истины.

Толкование норм уголовно-процессуального права не может быть полностью объективным и нейтральным, так как право не существует в отрыве от идеологического ценностного выбора толкователем того или иного смысла и тех субъектов, кому адресуется разъяснение нормативных предписаний. Поэтому: а) не может быть нейтрального способа исследования социальных явле-

ний, а тем более их объяснения; б) толкование норм права (как и рациональное мышление в целом) не может претендовать на постижение бесспорной истины, ибо содержание норм социально ситуативно и контекстуально.

Процесс толкования норм права целесообразно рассматривать всесторонне с позиции дополнения материалистической концепции современными философскими учениями.

В третьем параграфе «Потребность и значение толкования уголовно-процессуальных норм» рассматриваются причины объективно-субъективного характера, обуславливающие необходимость толкования, к которым относятся:

- потребность правоприменения в самом широком смысле, включая работу по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства, научную и педагогическую деятельность;
- неполное совпадение логических структур лексических единиц с грамматическими;
- специфичность юридического языка, требующего расшифровки смысла, который имеет иную модальность;
- необходимость конкретизации правовых норм, сочетающих в себе противоположные качества абстрактности и стремления к полноте уголовно-процессуального регулирования;
- наличие дефектов законодательства в виде пробелов, противоречий и иных недостатков;
- системный характер уголовно-процессуального права.

От толкования следует отличать действия должностных лиц по ознакомлению с законодательством юридически не компетентных субъектов (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, свидетеля, потерпевшего, понятых, присяжных заседателей и др.) путём прочтения или пересказа соответствующих уголовно-процессуальных норм, несмотря на то, что в тексте норм может использоваться термин «разъяснение» как синоним толкования.

Значение толкования состоит в том, что оно не только выполняет функции уяснения и разъяснения, но и способствует совершенствованию законодательства посредством смягчения формулировок нормативных предписаний, преодоления дефектов и несовершенств УПК РФ. Тем самым оно укрепляет законодательство.

Вторая глава «Общие проблемы толкования уголовно-процессуальных норм: субъекты, приёмы, виды, пределы» состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе «Субъекты толкования уголовно-процессуальных норм, их классификация» даётся характеристика субъектов толкования уголов-

но-процессуальных норм, выделяются их уровни с точки зрения субординации, излагаются другие классифицирующие признаки.

Если правоприменители первого уровня толкуют нормы права для себя, уясняя их содержание с целью правильного применения, то их руководители на досудебном производстве толкуют эти нормы также и с целью разъяснения их содержания нижестоящим субъектам. Формы такой деятельности могут быть разнообразными: контроль за правоприменительной деятельностью, рейтинговая оценка, подготовка выступлений, обзоров, справок, приказов по итогам проверок, организация занятий по служебной подготовке, привлечение к праворазъяснительной работе научно-педагогических кадров, издание методической литературы по вопросам правильного применения уголовно-процессуального законодательства и др.

Особое место в толковании норм уголовно-процессуального права занимают высшие судебные инстанции.

Несмотря на то, что постановления пленума Верховного суда РФ носят разъяснительный и рекомендательный характер (так как принцип независимости судей и подчинение их закону не согласуется с положением о том, что судьи должны подчиняться разъяснениям, как ранее считалось, руководящим и обязательным), тем не менее отдельные постановления имеют значение субсидиарных правоположений.

Принципиально новое качество в процесс толкования уголовно-процессуальных норм привнёс Конституционный суд РФ. Он занимает особое место в системе государственной власти, имеет особые пределы юрисдикции, вырабатывает правовые позиции, обладающие нормативно-интерпретационным характером. Решения Конституционного суда РФ имеют, как правило, такую же сферу действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, как и решения законодателя. В то же время решения Конституционного суда РФ более долговечны по сравнению с законами: даже в настоящее время Конституционный суд РФ (а также иные субъекты толкования) руководствуются в своих решениях правовыми позициями, выработанными во время действия УПК РСФСР.

Процесс признания неконституционности правовых положений уголовно-процессуального закона основан на толковании конституционно-правовых принципов и норм. Осуществляя правокорректирующую функцию, Конституционный суд РФ призван устранять противоречия и правовую неопределённость в словесном оформлении правовых норм, обеспечивая верховенство и прямое действие Конституции РФ. Имея общие черты с судебным прецедентом, решения Конституционного суда РФ характеризуются качеством преюдициального значения.

За период своего существования Конституционный суд РФ принял 33 постановления по вопросам уголовно-процессуального регулирования, в том числе 12 после введения в действие УПК РФ. Особый интерес представляют постановления Конституционного суда РФ, принятые после 1 июля 2002 г., посвященные толкованию норм УПК РСФСР (таких постановлений 3). Странные на первый взгляд (казалось бы, зачем проверять конституционность утратившего юридическую силу закона), они тем не менее вносят свой вклад в исторический аспект толкования, показывают, как положения УПК РСФСР преобразовываются в положения УПК РФ, и по какому пути должно идти их дальнейшее совершенствование.

Решающее значение на процесс толкования уголовно-процессуальных норм Конституционным судом РФ имеют исходные правовые принципы и положения, подвергающиеся анализу, объём и последовательность проводимых с ними логических операций. В зависимости от их соотношения возможны различные выводы, что проявляется в особых мнениях судей Конституционного суда РФ.

Учитывая, что правовые позиции, сформулированные в постановлениях Конституционного суда РФ, обладают большой юридической силой, презюмируется, что законодатель их учитывает при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Однако анализ постановлений Конституционного суда РФ, принятых после 1 июля 2002 г., вызывает сомнение в действии этой презумпции. Как не отвечающее требованиям Конституции РФ и политики государства в области правового обеспечения жизни общества следует рассматривать длительное (до 5 лет) оставление без внимания Государственной Думы РФ 14 статей УПК РФ (по состоянию на 01.05.2009 г.), которые в соответствии с решениями Конституционного суда РФ должны быть нормативно изменены либо отменены.

Проведённый анализ иных субъектов толкования норм уголовно-процессуального права позволил их классифицировать следующим образом.

1. Субъекты правоприменительной деятельности:

а) профессиональные интерпретаторы – следователи, дознаватели, прокуроры, судьи. Эту многочисленную и неоднородную группу объединяет стремление к полноте, всесторонности, объективности толкования уголовно-процессуальных норм;

б) адвокаты, которые хотя и относятся к профессиональным интерпретаторам, однако не преследуют цель достижения полного, всестороннего, объективного толкования уголовно-процессуальных норм, так как их деятельность носит односторонний характер;

в) непрофессиональные интерпретаторы – иные участники уголовного судопроизводства. Их роль в толковании уголовно-процессуальных норм крайне незначительна.

II. Субъекты правоинтерпретационной деятельности (доктринального толкования) – научные, научно-педагогические, педагогические работники. Толкование этих субъектов имеет опосредованное отношение к правоприменительному процессу.

Во втором параграфе «Приёмы и виды толкования» анализируются приёмы толкования как совокупность специфических последовательных действий для уяснения нормативных предписаний. Использование вместо термина «приём толкования» иных наименований – «метод толкования» (В.А.Штоф), «способ толкования» (А.В.Малько, Н.И.Матузов, В.Д.Перевалов, В.М.Сырых и др.) – представляется менее предпочтительным. Термин «метод толкования» имеет философский оттенок, а «способ толкования» объясняется как совокупность приёмов и средств толкования.

В данном разделе анализируются следующие приёмы толкования: языковой, логический, систематический, исторический, телеологический, функциональный.

Языковой приём толкования достаточно полно освещён в юридической литературе кроме одного момента – критического анализа УПК РФ с точки зрения языковой формы выражения. Такое критическое отношение к УПК РФ может быть основой как потенциального усовершенствования, так и умения видеть его сильные и слабые стороны, степень корректности уголовно-процессуальной регламентации.

Языковое толкование позволяет выявить чрезвычайно широко распространённые дефекты юридического профессионального языка (Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший Арбитражный Суд, Европейский Суд по правам человека), в то время как правила грамматики говорят об ином обозначении: Конституционный суд, Верховный суд, Высший арбитражный суд, Европейский суд по правам человека. К этому же правилу относится написание сложных существительных: Генеральная прокуратура, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс и др.

О возрастании роли языкового приёма толкования свидетельствует ст. 5 УПК РФ, содержащая значительно больше определений уголовно-процессуальных терминов по сравнению с ранее действовавшими кодексами. Этому способствует создание терминологических словарей уголовно-процессуального законодательства, алфавитно-предметных указателей разъяс-

нений высших судебных инстанций, помещаемых в журналах «Бюллетень Верховного суда РФ», «Вестник Конституционного суда РФ».

С языкового приёма начинается процесс толкования, ибо он связан с уяснением письменной формы выражения нормы. К нему обращаются неограниченное количество раз в процессе правоприменения. При высоком уровне юридической культуры интерпретатора языкового приёма бывает достаточно, чтобы уяснить смысл правовой нормы. Всё это свидетельствует об обязательном характере и чрезвычайной важности этого приёма, хотя в теории права языковой приём толкования признаётся не всеми. Например, П.И.Люблинский, И.Е.Фарбер отрицали языковое толкование, считая это лишь усвоением мыслей законодателя, выраженных в письменной форме. С таким мнением трудно согласиться, так как при чтении фразы мы не просто знакомимся с её содержанием, а постигаем, уточняем, конкретизируем сущность законодательного требования.

Логический приём также имеет широкое распространение ввиду многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений, хотя этот приём также не является общепризнанным. Например, утверждается, что любое правильное толкование есть всегда логическое; логическое толкование используется для контроля за языковым толкованием; для отдельного логического исследования, отличного от языкового, в нём нет самостоятельного объекта (А.С.Пиголкин, И.Е.Фарбер). Но несмотря на то, что приёмы языкового и логического толкования нацелены на исследование одних и тех же норм права, достигают они это с позиций различных отраслей знания (филологии и логики), различными методами (анализ языковых и логических структур). А потому не признавать за логическим толкованием самостоятельного характера нет оснований.

Особенность систематического приёма толкования проявляется в применении отсылочных норм УПК РФ. Считается, что метод отсылок придаёт законодательству определённую стабильность, облегчает его использование. Однако проведённый анализ позволяет опровергнуть эту презумпцию. Увеличение количества отсылочных статей (с 36,9 % в УПК РСФСР до 56,4 % в УПК РФ) не всегда облегчает пользование законодательством. Оно также способно создавать трудности из-за не только конкретизирующего, но и обобщающего характера этих норм. Хотя полностью обойтись без отсылочных статей не представляется возможным ввиду многогранного и многоаспектного характера уголовно-процессуальных отношений, но и доводить их количество почти до 60% от общего количества статей в кодексе неоправданно. Первичный регулятор общественных отношений (к которым относится УПК РФ) должен быть более

определённым, иначе под угрозой окажется качество закона и его эффективность.

Несмотря на то, что все приёмы толкования уголовно-процессуальных норм находятся во взаимосвязи, тем не менее ведущая роль принадлежит языковому толкованию, которое обладает качеством обязательности. Все иные основные (логический, систематический, исторический) и вспомогательные (телеологический, функциональный) приёмы толкования качеством обязательности не обладают.

Аутентичное толкование не имеет распространения в уголовном процессе, так как Государственная Дума РФ ни разу не воспользовалась этим своим правом. В какой-то мере аутентичное толкование напоминает законотворчество, осуществляемое Государственной Думой РФ в развитие уголовно-процессуального законодательства на основе практики деятельности Конституционного суда РФ.

Роль доктринального толкования повышается при использовании аналогии в уголовном судопроизводстве, которая представляет собой вынужденную меру преодоления дефектов законодательства и может быть эффективна лишь при условии её правильного применения. Целесообразно было бы закрепить в УПК РФ применение аналогии с указанием правил преодоления пробелов.

В третьем параграфе «Пределы толкования уголовно-процессуальных норм» анализируется толкование по объёму. Особенность такого толкования правовых норм заключается в том, что оно не всегда точно совпадает с языковой формой нормы.

Узкоформалистический подход к толкованию советского периода презюмировал тождество слова и смысла, отрицая их несовпадение в законе. Считалось, что нормы адекватно отражают смысл юридического предписания, а возможные небольшие расхождения между содержанием нормы и её языковым оформлением незначительны и лишены смысла. Любое отступление от формальной определённости законодательства расценивалось как недопустимое, нарушающее принцип законности. Такое негативное отношение к проблеме толкования по объёму объясняется смешением способа толкования с результатом этого действия, использованием распространительного и ограничительного толкования для расширения или сужения действительного смысла уголовно-процессуальной нормы, что недопустимо.

Под объёмом толкования следует понимать разницу между формальной определённостью нормы и результатом использования совокупности приёмов толкования. По сути дела противопоставляется языковый приём толкования со всеми иными приёмами. Если результаты языкового приёма толкования больше

результатов совокупности всех иных приёмов толкования (а последние меньше), то можно вести речь об ограничительном толковании. А если наоборот – о распространительном толковании.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что не менее 13 % уголовно-процессуальных норм должны толковаться не дословно тому, как они сформулированы в УПК РФ, а распространительно (более 10 %) или ограничительно (около 3 %). То, что распространительное толкование встречается в 3 с лишним раза чаще ограничительного, свидетельствует о специфике уголовно-процессуальных отношений, когда однотипные действия легче распространить на аналогичные ситуации, нежели сузить смысл того, что записано в законе.

Количество случаев толкования по объёму не стабильно, а колеблется в зависимости от состояния законодательства. Так, до изменений, внесённых в УПК РФ Федеральными законами РФ от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ и от 06.06.2007 г. № 90-ФЗ, количество статей, требующих толкования по объёму достигало почти 20 %.

К общим причинам, требующим толкования уголовно-процессуальных норм по объёму, могут быть отнесены:

- неполное соответствие сфер применения (гипотезы) и нормирования (диспозиции);
- недопустимость дословного понимания ряда уголовно-процессуальных формулировок;
- логическая неполнота уголовно-процессуальных предписаний;
- чрезмерная сжатость терминологии.

К специфическим причинам относятся:

- некорректность регламентации отдельных полномочий субъектов в условиях многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений;
- усреднённо-обобщённый характер классификаций, который не всегда правильно отражает особенности уголовно-процессуального статуса субъектов;
- умолчание в тексте о распространении аналогичных полномочий на других субъектов;
- высокая степень определённости уголовно-процессуальных отношений, которая плохо согласуется с выражениями «и другие», «или иное» и придаёт тексту уголовно-процессуальных норм бессодержательный, малоинформативный, а порой и сомнительный характер;
- избыточное информирование, не имеющее процессуального значения;
- практика безапелляционных запретов с последующей регламентацией исключений из этих запретов;

- практика ограниченных исключений с последующим расширением списка этих исключений;
- формулирование альтернативного поведения там, где его быть не должно;
- использование терминов, не отражающих суть уголовно-процессуального предписания;
- использование терминов, требующих проведения не одного, а ряда последовательных действий.

Признавая необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных норм, необходимо помнить, что добиться безукоризненного состояния законодательства, не требующего никакого иного, кроме адекватного, толкования, крайне сложно, что обуславливает обращение к толкованию по объёму. Возможное достижение большего адекватного толкования сделало бы законодательство чрезмерно громоздким.

Третья глава «Толкование норм как способ выявления и восполнения пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве» состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе «Сущность пробелов в уголовно-процессуальном праве» анализируется понимание пробелов в юриспруденции. Делается вывод, что под пробелом в уголовно-процессуальном праве следует понимать полное или частичное отсутствие необходимого правового регулирования, обусловленного объективными потребностями развития уголовно-процессуальных отношений и практикой их реализации.

К причинам уголовно-процессуальных пробелов относятся:

- дефекты языковой формы выражения уголовно-процессуальных предписаний (дисбаланс отражения свойств абстрактности и конкретности, некорректность регулирования уголовно-процессуальных отношений и использованной терминологии, иные недостатки законодательной техники);
- логическая неполнота уголовно-процессуального регулирования;
- сложность предвидения и учёта многогранных, многоаспектных характеристик развивающихся уголовно-процессуальных отношений (регламентация типичного, часто встречающегося, а не исключительного, редко встречающегося).

Одним из крупных пробелов УПК РФ, имеющим ярко выраженные негативные последствия, оказывающим влияние на многие правоположения, является, на наш взгляд, отсутствие в законе задач уголовного судопроизводства. Использование в ст. 6 УПК РФ синонимичного термина «назначение уголовного судопроизводства» не охватывает в полной мере задач, стоящих перед уго-

ловным судопроизводством, выполняет в большей мере идеологическую функцию. Безупречное в политико-правовом отношении, назначение судопроизводства способно в процессуальном плане в силу неполноты предписания стать дезорганизующим фактором. По мнению автора, назначение может быть только средством достижения тех задач, которые законом не определены.

Проведённый анализ позволяет рассматривать уголовное судопроизводство как деятельность по возбуждению уголовного дела, установлению преступности либо неспреступности деяний, содержащих признаки преступлений, виновности либо невиновности лиц, которым приписывается их совершение, а также деятельность по проверке приговора и его исполнению. Задачами уголовного судопроизводства являются:

- обеспечение правильного и своевременного расследования и судебного разбирательства уголовных дел;
- защита прав и свобод человека и гражданина, общества и государства;
- обеспечение доступного и справедливого правосудия;
- укрепление законности, предупреждение преступлений, выявление причин и условий совершения преступных деяний, принятие мер к их устранению;
- формирование уважительного отношения к закону и суду.

Представляется целесообразным включить задачи уголовного судопроизводства в УПК РФ в качестве отдельной статьи.

Во втором параграфе *«Методика установления пробелов в уголовно-процессуальном праве»* анализируются формально-логический, конкретно-социологический, индивидуально-психологический методы установления пробелов. Показывается, как результаты этой деятельности способны привести к преодолению пробелов.

На основе проведённого исследования обосновывается, что кроме приёмов толкования (грамматического, логического, систематического, функционального, исторического) большая роль в выявлении пробелов принадлежит специальным средствам познания: аналогии, обратному заключению, заключению от большего основания к меньшему и от меньшего к большему, индукции, дедукции и т.д.

Утверждается, что методика установления пробелов в уголовно-процессуальном праве охватывает совокупность следующих требований:

- 1) применение обладающих надёжностью общенаучных и частнонаучных методов познания, прежде всего формально-юридического, конкретно-социологического, индивидуально-психологического;
- 2) проверка норм с позиции уголовно-процессуальных принципов и задач судопроизводства;

3) анализ уголовно-процессуальных норм как в отдельности, так и в их совокупности;

4) использование операций по логическому развитию исследуемых положений.

Диссертант полагает, что решающим фактором установления пробелов является свойство, относящееся к интеллектуальной сфере сознания, включающее в себя комплекс чувственно-познавательных характеристик, зависящих от юридической компетентности, аналитического склада ума, предчувствия, эмоционального опыта и т.д., то есть состояния духовной сферы человека, лежащей в основе учений герменевтики и деконструкции. Безусловно, и материалистическую концепцию также нельзя полностью игнорировать, однако существенная роль в установлении пробелов принадлежит всё же тем качественным подходам, которые составляют основу названных философских концепций.

В третьем параграфе «Проблемы восполнения пробелов в уголовно-процессуальном праве» анализируется логическая операция, которая следует после установления пробела в законодательстве и состоящая в восполнении пробелов в уголовно-процессуальном праве.

По канонам континентальной системы права (к которой относится отечественная система права) устранение пробелов происходит исключительно законодательным путём, что по объективным причинам не всегда бывает возможно. Участники уголовного судопроизводства могут лишь преодолевать уголовно-процессуальные пробелы (посредством толкования, аналогии и т.д.), однако Верховный суд РФ в этом вопросе получает особое качество, сближающее его решения с элементами прецедента правоприменения.

Ст. 126 Конституции РФ не наделяет разъяснения пленума Верховного суда РФ качеством руководящих, чем порождает дополнительную сложность правоприменения. Однако это не означает, что эти разъяснения можно игнорировать. Обладая рекомендательным характером, постановления пленума Верховного суда РФ отличаются высокой компетентностью, значимостью, убедительностью. Они принимаются в результате особой процедуры, с обобщением судебной практики, привлечением специалистов министерств и ведомств, учёных-правоведов. Проекты постановлений обсуждаются в судебных коллегиях Верховного суда РФ, на заседаниях Научно-консультативного совета, формируются редакционные комиссии, дорабатываются поправки. На пленуме выступают Министр юстиции РФ, Генеральный прокурор, члены пленума, голосование осуществляется отдельно по каждому пункту. Такой порядок принятия постановлений позволяет исключить сомнительные, спорные и ошибочные предложения, способные дезориентировать практику правоприменения. Всё это

позволяет говорить об обязательном характере постановлений пленума Верховного суда РФ, но не с точки зрения формальной определённости, а с точки зрения их убедительности, компетентности, обоснованности.

Сказанное в целом можно отнести и к решениям Конституционного суда РФ. Вместе с тем в вопросе восполнения пробелов уголовно-процессуального права Конституционный суд РФ однажды поднял крупную проблему, порекомендовав преодолевать пробел с помощью процессуальной аналогии (постановление от 28.11.1996 № 19-П), поставив правоприменителей в сложное положение.

Восполнение пробелов по аналогии не приводит к созданию нового закона, но помогает преодолеть его пробельность. У аналогии много общего с распространительным толкованием, но у них разные задачи, функции, правовая природа и сущность. Если в результате распространительного толкования выясняется действительное содержание правовой нормы, которая по разным причинам недостаточно корректно выражена, то при аналогии закона норма, предусматривающая данный случай, отсутствует, а в законодательстве имеется лишь норма, регулирующая близкие отношения. Гипотеза нормы не охватывает те отношения, которые предусматриваются аналогией. В отличие от аналогии распространительный результат толкования возможен в пределах нормы права, при этом он не должен выходить за границы нормативного предписания. Целью распространительного толкования является уяснение воли законодателя с тем, чтобы привести в соответствие действительное содержание нормы и её юридическое выражение.

Несмотря на то, что устранение пробелов происходит законодательным путём, однако предшествующее этому неоднократное преодоление пробелов правоприменителями можно рассматривать как промежуточный этап между установлением и устранением пробелов, обусловленный необходимостью практического разрешения дела. Эффективным средством возможного преодоления пробелов является использование аналогии и распространительного толкования.

Утверждение отдельных авторов (П.С.Элькин), что аналогия носит временный характер и утратит своё значение при совершенствовании законодательства, спорно, ибо совершенного законодательства не существует. Наоборот, аналогия не только не противоречит уголовно-процессуальному законодательству, но способна обеспечить его наиболее эффективное использование и целесообразное применение, укрепить законность. По меткому выражению П.Е.Недбайло «злоупотребление аналогией может быть лишь поводом, а не ос-

нованием для её исключения из права, так как злоупотребление – дело факта, а не принципа».

Признаваемая много авторами (М.С.Строгович, В.П.Божьев, А.М.Ларин, В.М.Савицкий, С.А.Шейфер, П.С.Элькинд и др.), упоминаемая в постановлениях высших судебных инстанций, аналогия заслуживает не столько активного применения, сколько нормативного признания при наличии строго определённых условий, позволяющих сделать её максимально ограниченной и подконтрольной во избежании злоупотреблений.

К таким условиям следовало бы отнести следующие:

- убеждённость в реальности, а не мнимости существующего пробела;
- соответствие применения аналогии принципам уголовно-процессуального права;
- непротиворечивость выведенного по аналогии правила другим нормам УПК;
- убедительная обоснованность применения аналогии;
- запрет применения аналогии к исключениям;
- соблюдение всех прав участников процесса, без каких-либо ограничений;
- незначительный объём и бесконфликтный характер восполняемого пробела. Наоборот, решение глобальных вопросов уголовного судопроизводства, ярко выраженный субъективный характер препятствуют использованию аналогии.

Четвёртая глава «Толкование закона как способ выявления и преодоления противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве» состоит из трёх параграфов.

В первом параграфе *«Понятие и сущность противоречий в уголовно-процессуальном праве»* отмечается, что противоречия связаны с пробелами. Любое противоречие свидетельствует о наличии некорректного правового регулирования и в то же время об отсутствии правильно выраженной правовой регламентации. Это позволяет один и тот же дефект рассматривать одновременно и как противоречие, и как пробел. Любое противоречие – это в то же время и пробел, но не любой пробел является противоречием.

Противоречия выражаются в некорректном обозначении уголовно-процессуальных действий, субъектов уголовно-процессуальных отношений, в неразделении или смешении отдельных понятий и категорий, в неточном лексико-грамматическом построении норм и других нарушениях правил законодательной техники, воспринимаемыми сторонами с противоположных позиций.

Противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве обладают следующими особенностями:

- они обусловлены не столько погрешностями законодательной техники (хотя и их тоже нельзя сбрасывать со счетов), сколько стремлением сторон уголовного судопроизводства к конкретизации уголовно-процессуальных отношений;
- основой противоречий является противоположность законных интересов субъектов, сторон (защиты и обвинения), выраженных в уголовно-процессуальных действиях;
- представление о противоположности интересов сторон проявляется в стремлении к их равенству в рамках состязательного процесса.

Уголовно-процессуальные противоречия являются не только ядром механизма внутреннего самодвижения, важным фактором, определяющим направленность и интенсивность уголовно-процессуальной деятельности, но и важным источником развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Основным объективным проявлением уголовно-процессуальных противоречий является всесторонняя активная деятельность его субъектов, выражающаяся в отстаивании своих уголовно-процессуальных прав и законных интересов.

Они носят закономерный характер, выступают необходимой, постоянной составляющей реформирования и совершенствования уголовного судопроизводства, сопровождаемого разрешением противоречий и последовательным возникновением новых. Противоречия выражают отношение единства и борьбы, взаимополагания и взаимоисключения субъектов с противоположными интересами. Они могут играть позитивную и негативную, прогрессивную и регрессивную роль в уголовном процессе.

Поэтому противоречия в уголовно-процессуальном праве следует считать закономерным источником развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, проявляющимся во взаимодействии противоположных тенденций регулирования уголовно-процессуальных отношений, обусловленных стремлением к развитию данных отношений, основанных на противоположности законных интересов сторон и активной деятельности субъектов, стремящихся к равенству в рамках состязательности.

Во втором параграфе «Выявление противоречий в уголовно-процессуальном праве» показывается, что процесс выявления противоречий уголовно-процессуального законодательства требует использования комплекса аналитических мер, в который входят все приёмы, виды, методы толкования и связанные с ними действия.

Учитывая, что уголовно-процессуальные противоречия не только многообразны, но и различны по уровню сложности, не все из них могут быть легко преодолены. Некоторые противоречия поддаются преодолению с трудом либо не поддаются преодолению в силу того, что любая попытка формулирования нового уголовно-процессуального предписания грозит получением ещё более несовершенной словесной конструкции.

На основе анализа конкретных нормативных предписаний УПК РФ показано, что при выявлении уголовно-процессуальных противоречий происходит констатация некорректного словоупотребления, которое неправильно обозначает действия («защитник собирает доказательства» — ч. 3 ст. 86 УПК), субъектов (не все субъекты, перечисленные в ч. 1 ст. 402 УПК, имеют право ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу решений суда), их правовой статус. Возможно смешение уголовно-процессуальных понятий и категорий (основания и цели мер процессуального пресечения — ст.ст. 97, 111 УПК, осмотра — ст. 176 УПК), небрежность в формулировании уголовно-процессуальных предписаний (название ст. 89 УПК противоречит её содержанию). Законодатель порой отступает от правил, им самим же сформулированных, даёт неполные классификации, нарушает равенство прав сторон, неправильно определяет цели следственных действий, устанавливает необоснованные двойные стандарты, регламентирует отношения, не входящие в уголовно-процессуальную сферу. Такие действия могут менять смысл уголовно-процессуальных предписаний и порождать их двусмысленность, противоречить Конституции РФ, Уголовному кодексу РФ, принципам уголовного судопроизводства.

Рассмотренные недостатки имеют отрицательный характер потому, что не позволяют буквально понимать содержание уголовно-процессуальных предписаний и создают трудности в правоприменении в условиях состязательного процесса.

В третьем параграфе «Преодоление противоречий в уголовно-процессуальном праве» анализируются наиболее существенные противоречия действующего уголовно-процессуального законодательства. Процесс преодоления противоречий может происходить не только законодательным путём, но и посредством официального и неофициального толкования, которые могут приводить к неодинаковым результатам. Сложность заключается в том, что правоприменитель может сталкиваться с разными, порой диаметрально противоположными, мнениями должностных лиц по поводу одних и тех же уголовно-процессуальных обстоятельств, их различным толкованием.

Пожалуй, ни одна проблема не предстаёт в настоящее время более противоречивой, чем вопрос об истине в уголовном судопроизводстве. На основе проведённого исследования автор приходит к выводу, что истина продолжает оставаться целью уголовного судопроизводства. В то же время использование термина «истина» в уголовном процессе как вывода о доказанности какого-либо утверждения и вывода о совпадении знаний субъекта с объективной действительностью не соответствует его теоретико-познавательному смыслу и значению. Более корректно полный объём знаний, достигнутый при всестороннем расследовании и разбирательстве уголовного дела, именовать доказанностью соответствующих обстоятельств.

Другое существенное противоречие – особый порядок судебного разбирательства. Он не согласуется с рядом принципов (презумпцией невиновности, осуществление правосудия только судом) и положением о том, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся доказательств. Задуманный в качестве исключения ограниченного характера, особый порядок получает неоправданно широкое распространение, угрожая стать основным правилом. Не настаивая на его упразднении, автор считает необходимым внесение в него существенных корректив.

Ещё одним существенным противоречием являются вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (часть пятая УПК РФ). Автор считает, что нацеливание правоприменителей на использование норм международных договоров в ущерб национальному законодательству носит деструктивный характер. Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ должна быть адресована в первую очередь законодателю, который не должен допускать противоречий между нормами международных договоров и уголовно-процессуальным законодательством.

В **заключении** диссертации сформулированы основные положения и выводы, явившиеся результатом исследования.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

1. Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных перечнем ВАК для докторских диссертаций

1. Белоносов В.О., Громов Н.А. Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Государство и право. – 2001. – № 7. – 0,4 / 0,3 п.л. (в соавторстве).
2. Белоносов В.О., Колесников Е.В. Критерии истинности результатов толкования уголовно-процессуальных норм // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – 0,7 / 0,4 п.л. (в соавторстве).
3. Белоносов В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – 0,7 / 0,4 п.л. (в соавторстве).
4. Белоносов В.О. Философская сущность толкования правовых норм // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3. – 0,4 п.л.
5. Белоносов В.О. Проблемы регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 1. – 0,4 п.л.
6. Белоносов В.О. Прецедент в российском уголовно-процессуальном праве // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 10/3 (50). – 0,7 п.л.
7. Белоносов В.О. Теория и практика неадекватного толкования уголовно-процессуальных норм // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – 0,7 п.л.
8. Белоносов В.О. Истина в уголовном судопроизводстве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 6. – 0,7 п.л.
9. Белоносов В.О. Институт возвращения уголовного дела судом прокурора // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – 0,7 п.л.
10. Белоносов В.О. Толкование Конституционным судом РФ норм уголовно-процессуального права // Вестник СГАП. – 2009. – № 2. – 0,7 п.л.

II. Публикации в материалах международных конференций

11. Белоносов В.О. Герменевтические проблемы толкования // Я и мы: история, психология, перспективы: Материалы Международной научной конфе-

ренции, 30-31 мая 2002 г., Санкт-Петербург / Под ред. С.Н.Полторака. – СПб.: Нестор, – 2002. – 0,3 п.л.

12. Белоносов В.О. Институт толкования уголовно-процессуальных норм в системе наказания // Преступление и наказание в пространстве культуры: теория, история, современность. Международная научная конференция. – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2003. – 1,2 п.л.

13. Белоносов В.О. Преемственность и нововведения в толковании правовых норм в российском правоведении // Международная научная конференция «Социальные инновации в культурном процессе: стратегии развития и преобразования: Сборник статей. В 2 т. / Под общ. ред. А.В.Малафеева. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2005. Т. 1. – 0,6 п.л.

14. Белоносов В.О. О специфике методологии толкования правовых норм // Социальные инновации в культурном процессе: искусство менеджмента. Вторая международная научная конференция. Сборник статей. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2007. – 0,7 п.л.

15. Белоносов В.О. Возвращения уголовного дела из суда прокурору в порядке ст. 237 УПК // Проблемы и перспективы развития УИС как элемента правоохранительной системы России и зарубежных стран: Материалы международной научно-практической конференции (апрель 2008 г.) / Под общ. ред. А.В.Горожанина. – Самара: СЮИ ФСИН России, 2008. – 0,4 п.л.

16. Белоносов В.О. Понятие и сущность противоречий в уголовно-процессуальном праве // Проблемы и перспективы развития УИС как элемента правоохранительной системы России и зарубежных стран: Материалы международной научно-практической конференции (апрель 2008 г.) / Под общ. ред. А.В.Горожанина. – Самара: СЮИ ФСИН России, 2008. – 0,4 п.л.

17. Белоносов В.О. Толкование норм уголовно-процессуального права в практике Конституционного суда РФ: Материалы 6-й международной научно-практической конференции молодых учёных, специалистов и студентов, 8-9 апреля 2009 / [ред. кол.: А.Е.Пилецкий (отв. ред.) и др.]. Ч. 1. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2009. – 0,7 п.л.

III. Монографии, учебные пособия

18. Белоносов В.О., Горожанин А.В. Аналогия в уголовном процессе России: Монография. Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2000. – 8,1 / 8,0 п.л. (в соавторстве).

19. Белоносов В.О., Громов Н.А., Ивенский А.И. Судебное разбирательство и приговор: Учебно-методическое пособие. Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2001. – 5,6 / 3,1 п.л. (в соавторстве).
20. Белоносов В.О., Громов Н.А., Новичков И.В. Уголовный процесс: Пособие для подготовки к экзаменам. Третье издание, дополненное и переработанное. М.: «Приор-издат», 2005. – 16,2 / 3,7 п.л. (в соавторстве).
21. Белоносов В.О., Громов Н.А., Зайцева И.А., Курушин С.А., Новичков И.В. Уголовный процесс: Учебно-практическое пособие: В 2 т. Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2005. – 18,4 / 4,5 п.л. (в соавторстве).
22. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: Монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. – 25,8 п.л.
23. Белоносов В.О., Чернышева И.В. Российский уголовный процесс: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Саратов: ООО «БизнесВолга», 2007. – 30,0 / 19,5 п.л. (в соавторстве).

IV. Научные статьи

24. Белоносов В.О., Громов Н.А. Логический аспект аналогии в расследовании преступлений // Следователь. – 1999. – № 8. – 0,3 / 0,2 п.л. (в соавторстве).
25. Белоносов В.О., Громов Н.А., Францифоров Ю.В. Правоприменительная конкретизация в уголовно-процессуальном праве // Следователь. – 1999. – № 10. – 0,3 / 0,2 п.л. (в соавторстве).
26. Белоносов В.О., Громов Н.А., Францифоров Ю.В. Особенности правового регулирования в уголовном процессе // Следователь. – 1999. – № 11. – 0,3 / 0,2 п.л. (в соавторстве).
27. Белоносов В.О., Громов Н.А., Францифоров Ю.В. «Соответственное» применение норм права и аналогии в уголовном процессе // Следователь. – 1999. – № 12. – 0,3 / 0,2 п.л. (в соавторстве).
28. Белоносов В.О., Громов Н.А., Францифоров Ю.В. Влияние вновь открывшихся обстоятельств на законность и обоснованность судебного решения // Российский судья. – 1999. – № 4. – 0,4 / 0,3 п.л. (в соавторстве).
29. Белоносов В.О. Принципы в уголовном процессе // Наука Поволжья. – 2000. – № 1. – 0,3 п.л.
30. Белоносов В.О. Проблема пробельности и беспробельности права: исторический экскурс // Наука Поволжья. – 2000. – № 2. – 0,6 п.л.

31. Белоносов В.О. О роли принципов в уголовном процессе // Материалы научно-практической конференции «Научные основы деятельности сотрудников органов внутренних дел». – Самара: СЮИ МВД РФ, 2000. – 0,3 п.л.

32. Белоносов В.О. Реформирование уголовно-исполнительной системы // Общество и безопасность. – 2001. – № 1. – 0,1 п.л.

33. Белоносов В.О. Неординарная проблема – неординарный труд (рецензия на монографию Л.В.Соцура «Толкование норм права: теория и практика». – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2001) – 0,3 п.л.

34. Белоносов В.О. О понятии процессуального усмотрения // Сб. науч. тр.: Актуальные проблемы повышения качества подготовки кадров для правоохранительных органов и их влияние на совершенствование правоприменительной деятельности. – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2001. – 0,2 п.л.

35. Белоносов В.О. О путях активизации преподавания юридических дисциплин на примере уголовного процесса // Негосударственное образование в России: результаты, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции (20 марта – 6 апреля 2000 г.). Ч. III. – Уфа, 2001. – 0,1 п.л.

36. Белоносов В.О., Громов Н.А. Приговор суда в уголовном судопроизводстве // Право и политика. – 2001. – № 12. – 0,5 / 0,2 п.л. (в соавторстве).

37. Белоносов В.О. О пробельности и беспробельности в уголовном процессе // Сб. науч. тр.: Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы двадцать четвертой Всероссийской заочной научной конференции / Науч. ред. С.Н.Полторак. – СПб.: Нестор, 2002. – 0,3 п.л.

38. Белоносов В.О. Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Сб. науч. тр.: Защита прав граждан в уголовном праве и процессе: Межрегиональный научно-практический семинар (15-17 мая 2002 г.). – Саратов: СЮИ МВД РФ, 2002. – 0,4 п.л.

39. Белоносов В.О. Трудности языкового способа толкования нового УПК // Сб. науч. тр.: Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: Материалы межведомственной научно-практической конференции. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 2002. Ч. 2. – 0,4 п.л.

40. Белоносов В.О. Узкие места толкования нового УПК // Вестник СЮИ МЮ РФ: Межвузовский сборник научных статей по проблемам юридических, гуманитарных и социально-экономических наук. Вып. 1. – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2002. – 0,5 п.л.

41. Белоносов В.О. Категория риска в уголовном процессе // Проблемы уголовно-исполнительной политики Российского государства на современном

этапе: Материалы межведомственной научно-практической конференции (май 2002 г.). – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2002. – 0,3 п.л.

42. Белоносов В.О. Семантическая характеристика нормативных предписаний нового УПК РФ // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому УПК РФ: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 18-19 декабря 2002 г., г. Самара / Под ред. С.А.Шейфера. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 0,7 п.л.

43. Белоносов В.О. Проблема усмотрения в правоприменительной деятельности // Общество и безопасность. – 2003. – № 1. – 0,3 п.л.

44. Белоносов В.О. Новое в теории толкования норм права (рецензия на монографию Л.В.Соцура «Толкование норм права: теория и практика») // Вестник Самарского юридического института. – 2002. – № 2. – 0,2 п.л.

45. Белоносов В.О. Некоторые проблемы толкования нового УПК РФ // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. – М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003. – 0,4 п.л.

46. Алиев Т.Т., Белоносов В.О., Громов Н.А. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу // Российский судья. – 2003. – № 7. – 0,4 / 0,2 п.л. (в соавторстве).

47. Белоносов В.О. Проблемы уголовно-исполнительной политики и реализации проекта «Альтернативы тюремному заключению в РФ» // Материалы межведомственной научно-практической конференции «Проблемы уголовно-исполнительной политики в реализации международных правовых стандартов обращения с осужденными» (июнь 2003). – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2003. – 0,6 п.л.

48. Белоносов В.О. Трудности грамматического толкования норм нового УПК РФ // Проблемы применения норм уголовно-процессуального законодательства РФ в деятельности правоохранительных органов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (23 декабря 2003 г.): В 2-х ч. – Челябинск: Челябинск. юрид. ин-т МВД РФ, 2004. Ч. 1. – 0,4 п.л.

49. Белоносов В.О. Уголовно-процессуальное усмотрение: проблемы сущности и перспективы // Пути дальнейшего повышения эффективности и качества образовательного процесса в высшей школе: Материалы Второй всероссийской научно-методической конференции (4-5 февраля 2004 г.). – Самара: Изд-во Самарск. юрид. ин-та МЮ РФ, 2004. Т. 1. – 0,3 п.л.

50. Белоносов В.О., Громов Н.А. О соотношении задач и назначения уголовного судопроизводства // Право и политика. – 2005. – № 10. – 0,5 / 0,4 п.л.

51. Белоносов В.О. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. – 2006. – Вып. 4. – 0,7 п.л.

52. Белоносов В.О. Риск в правоприменительной деятельности // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. – 2006. – Вып. 4. – 0,7 п.л.

53. Белоносов В.О. О назначении и задачах уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных статей / Под ред. В.А.Лазаревой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. Вып. 2. – 0,7 п.л.

54. Белоносов В.О. Об истине в уголовном судопроизводстве // Проблемы преступления и наказания в праве, философии и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции (25-26 апреля 2007 г.) / Под общ. ред. А.В.Горожанина: в 2 кн. – Самара: СЮИ ФСИН России, 2007. – Кн. 2. – 0,7 п.л.

55. Белоносов В.О. Пределы толкования уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. – 2007. – Вып. 5. – 0,7 п.л.